

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

Рута Шейл

#ДВОЕДУШНИК

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш39

Ш39 **Шейл, Рута**

Двоядушник : роман / Рута Шейл. — М.: Издательство АСТ, 2017. — 416 с.

ISBN 978-5-17-099075-7

Заброшенная гостиница, старая водоканка, мрачный пустой корпус психиатрической лечебницы — мертвые дома, которые ждут мертвых людей. Что заставляет молодых девушек приходить сюда ночью, чтобы потом бесследно исчезнуть? Ответов нет, и только странный парень, утверждающий, что у него две души, берется разыскать свидетелей похищений. Тех, о ком говорится в городских легендах. Тех, кто давным-давно погиб в этих стенах, но все еще остается там — и знает правду. Знает и готов рассказать...

«Двоядушник» — это мистический роман о том, какие тайны скрывает изнанка города, о тьме внутри и снаружи, об одиночестве вдвоем и путешествии туда, откуда никто еще не возвращался.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099075-7

© Рута Шейл, 2016
© М. Козинаки, фотография на обложке, 2016
© А. Лисин, модель на обложке, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ЛИЦО ГОРОДА

#АНТОН

Сидит на ступенях. Смотрит в стену. Точнее, в то, что от нее осталось. Желтая штукатурка. Остатки лепнины. Полуколонны в сколах и трещинах.

Горело здесь все, что ли? Рухнувшие перекрытия черные, словно покрытые копотью.

Вслушивается. Медленно встает. Тянется за оружием.

Он позвал их, и они пришли. Всегда приходят.

На этот раз двое. В спецовках или униформе, как у пожарных. В темноте не различить.

Секунда на то, чтобы принять решение. Две — на прыжок.

Он сбегает вниз по остаткам лестницы, когда ступеньки обрываются, перемахивает через перила.

Кусок арматуры и самодельный нож против двух его кистеней.

Он мог бы покончить с этим очень быстро, но нарочно не торопится.

Цепи в его руках набирают скорость. Сам не движется. Только кисти. Как на тренировке. Ничего нового.

Лунный свет играет на металле. Стремительно вращающиеся цепи образуют два серебристых круга.

К нему невозможно подобраться. Те двое, кажется, тоже это понимают. И не пытаются.

И вдруг — скользящий шаг вперед, еще один — в сторону. Между ними — поворот, замах. Арматурина с лязгом откатывается в угол. А тот, кто ее держал — бесшумно, — к стене. Другой на его месте, наверное, умер бы. *Но этот и так мертв.* Снова вскочил, метнулся в центр зала — и был отброшен с накрепко стянутыми цепью запястьями.

Вторая по-прежнему рассекает воздух.

Я знаю, что будет дальше. Просто чувствую. Игни, черт. Прекрати. Не делай этого!

Конечно же, он делает. Вскидывает левую руку вверх — жест приветствия, адресованный мне, — и следом молниеносно обхватывает ладонью лезвие направленного в него ножа.

На-ме-рен-но!

Не могу этого понять. Он должен, ДОЛЖЕН почувствовать боль! Мы не слишком-то разные. Оба — телесны, материальны, осязаемы... Не знаю, как еще выразиться.

Должен... Но он не чувствует. Даже в лице не изменился. Сделал то, что хотел, — теперь расправляется с ними, быстро и методично.

Я просыпаюсь не сразу. Проходит достаточно времени, чтобы постельное белье пропиталось кровью.

Едва открыв глаза, ругаюсь в полный голос, дую на рассеченную ладонь и пулей вылетаю из постели в поисках аптечки. При этом бьюсь затылком о второй ярус кровати. Никак не привыкну.

Как я и подозревал, аптечки здесь нет.

Хватаю первое попавшееся полотенце — кажется, соседское, — наматываю на руку, стараясь не рас-

смаatrивать рану. Не смотрю, но чувствую. Похоже, все плохо.

Босиком бегу в ванную комнату, хлопаю дверь перед носом менее расторопного соседа по общаге. Отбрасываю ткань и сую ладонь под холодную воду.

Правой рукой нащупываю забытую кем-то пачку сигарет. Тащу одну зубами, так же вслепую нахожу зажигалку. Пальцы не слушаются. Наконец затягиваюсь и выпускаю дым в потолок. Губы дрожат.

Несколько раз ко мне пытаются вломиться разъяренные товарищи по несчастью, в смысле по этой дыре, которую кто-то придумал называть хостелом. Я помалкиваю. Только вода шумит.

Сигарета заканчивается. Беру вторую. Машинально думаю о том, что кровь тоже скоро закончится.

Кисть руки онемела. Хоть гвозди вколачивай.

— Тох, Тох! — Моя девочка. Ну наконец-то хоть что-то обнадеживающее! — Ты, что ли, там застрял?

Продолжая держать под струей воды раненую руку, здоровой тянусь к щеколде.

Шанна врывается в мое табачно-кафельное убежище решительно, как коммандо, разве что через голову не кувыркается, и приносит с собой струю свежего воздуха оттуда, со светлой стороны мира.

— У-у, — произносит она, с ходу оценив серьезность ситуации, и снова запирает дверь. Закрывает воду, машет, отгоняя дым от лица.

В коридоре гремят гневные вопли соседей. Но через мгновение все дружно заткнутся и начнут ловить каждый звук, доносящийся отсюда.

— Дай сюда. Гадость.

Шанна вынимает из моих пальцев недокуренную сигарету и гасит ее в моей же крови на дне раковины. Символично.

Затем берет меня за руку. Ничего не чувствую.
Тотальная анестезия.

— Боль-хвороба из чужого короба..

Интересно, за дверью это слышно?

Пробивающийся сквозь щели свет дает мне возможность видеть ее затылок с коротко остриженными волосами, очертания скулы и кончик носа.

Холод понемногу отступает. Шанна шепчет и поглаживает мою ладонь. Я закрываю глаза. Ее руки теплые и мягкие. Украдкой наслаждаюсь ощущением. Знаю, что нельзя, но до той грани, за которой не смогу остановиться, еще далеко. Можно потянуть время.

Шанна тонкой струйкой пускает воду, набирает ее в горсть и смывает со стенок раковины доказательство моей смертности.

И все еще держит меня за руку.

Просто держит. Ничего особенного.

— Передай своему Игни, что я убью его, если он еще раз так сделает, — шепчет она сердито.

— Он ведь уже мертвый, — шепчу в ответ.

— Все равно.

От звука наших голосов в полутемной ванной и от того, как Шанна поливает водой мою ладонь, чертова грань приближается совсем уж резко.

— Больше не надо, — говорю я дурацким хриплым голосом.

Это «больше» натягивается между нами невидимой колючей проволокой.

Шанна тут же отдергивает руку.

— Чеси на кухню. Завтракать будем.

Она больше не шепчет. К счастью.

Мы появляемся в коридоре вместе с клубами табачного дыма, словно огнеборцы после удачной битвы со стихией.

Оваций не последовало. Никого нет. Видимо, соседи плюнули, решив, что мы застряли надолго.

— Переоденусь только, — говорит Шанна и направляется к своей комнате. Уютная и теплая даже в своей мешковатой пижаме. Сейчас сменит ее на широченные штаны и какую-нибудь растянутую водолазку с длинными, как у смирительной рубашки, рукавами.

Не потому, что ей нравится так выглядеть, а потому, что не хочет меня провоцировать.

Так и неспровоцированный, я тоже двигаю к себе. За тапочками.

Потом иду в кухню. С водолазкой угадал. Вместо штанов — джинсы. Размером с парашют.

Шанна суетится у плиты. Я терпеливо жду.

— Деньги закончились, бро, — говорит она. — Скоро и этот клоповник не потянем.

Ненавижу это «бро». Но терплю.

— Может, дернем в центр? — продолжает она. — Там я смогу подзаработать. Продержимся до тех пор, пока у тебя заказы не появятся.

В ее голосе сквозит лютая тоска по нормальной жизни.

— Давай, — говорю. — Мне, в принципе, пофигу.

Поворачивая руку, разглядываю ладонь. Даже шрама не осталось.

Шанна ставит передо мной тарелку с яичницей и отворачивается, чтобы вымыть сковороду. Задирает водолазку, скребет ногтями поясницу. Со своего места я отчетливо вижу, как на ее коже проступают мурашки.

Снова захотелось курить.

Пялюсь в глаза яичнице. А она — в мои. Протыкаю вилкой желток. Яичница плачет одним глазом.

Он растекается по белой тарелке пятном, похожим на Апеннинский полуостров.

Пахнет растворимым кофе, общажной кислятиной и безысходностью.

Управившись со сковородкой, Шанна садится на стул с точно такой же, как у меня, тарелкой.

— Паркинсончик словил? — усмехается она, аккуратно разрезая яичницу ножом, будто на обеде у английской королевы.

Вилка в моей правой и правда мелко подрагивает.

— Пусть уж лучше меня, чем кого-то другого.

Невероятно, но она действительно понимает, о чем я.

— Игни вообще в последнее время притих. Даже подозрительно. Людей не трогает. Достается только Есми. И тебе.

— Сплюнь. — От одной только мысли тремор перекидывается на левую руку и, кажется, веко начинает дергаться.

Молча жуем. Солнце щедро заливает замызганные стекла. Каждый волосок на голове Шанны словно светится изнутри.

У нее очень тонкие пальцы. Наверное, у всех скрипачей такие.

Пытаюсь запомнить цвета. Самому так не придумать. Правда, красок у меня нет уже давно. Только простой карандаш. Но я все равно пытаюсь.

— Когда поедем в город? — спрашивает моя персональная ванильно-розовая фея и слизывает с губы хлебную крошку.

— Собирайся.

Она вылетает из кухни с радостным визгом.

Князев, ты совсем, что ли, упоролся? «Персональная ванильно-розовая фея»...

Достаю из кармана сигареты. Выхожу на крыльцо у подъезда. Город.. Значит, снова вокзал. Электричка. Потом таскаться с вещами по незнакомым улицам. И неизбежно ночевать в каких-нибудь местных руинах до тех пор, пока не подкопим на крышу над головой.

Выдыхаю вверх. Дым повисает над головой огромным вопросительным знаком.

Мечтал, что, когда вырасту, буду придумывать новые дома, — а сам ночую в старых.

ВЫСОКОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Стимпанк-костюм выглядел классно, но не согревал. Стоило только выйти на продуваемую ветром набережную, озноб мгновенно охватил все тело. До мурашек. Глаза заслезились, хоть гогглы напяливай. Используй по назначению, а не прическу держать.

Судя по тому, как бодро переминалась с ноги на ногу Ксюша, ей тоже приходилось несладко.

— Кр-расиво тут, — изрекла подруга и шмыгнула носом. Кто бы спорил. Река — вот она, прямо за парковкой. Сейчас вода казалась густой, как тушь, и глухо билась о плиты набережной. Если обернуться, то... Красоты все равно не разглядеть — тьма кромешная, — но местные знают, что она там есть. Правда, на любителя. Поросший березами и кленами крутой склон с вот уже век как брошенными постройками старого мукомольного завода. Тридцать три огромных емкости для зерна — допотопный элеватор. Даже поблизости стоять, и то не по себе. Местечко — редкостная глушь. Однако организаторов ночного клуба это не остановило. А может быть, наоборот.

— Надо было вызвать такси, — затосковала Ника, кутаясь в легкую куртку. За стеклянными дверями покинутого клуба тяжело ухала музыка. Разноцветные лучи шарили по чернеющему осеннему небу, но здесь, на узкой полоске дороги между рекой и лесом, они казались чуждыми и совсем неуместными.

— У тебя, что, деньги лишние есть? — не слишком уверенно возразила Ксюша. — Коваленко же сказал, что подвезет.

— Ну и где он, твой Коваленко?

— Не знаю. Собирается, наверное. Велел ждать у входа. Слу-ушай, а неплохо они тут все устроили, да?

— Угу.

Говорить не хотелось. Холодно. Но клуб впечатлил и Нику. Особенно с учетом того, что в хозяевах обозначился некий товарищ с ее факультета. Параллельный поток, кажется. Оттого она ожидала увидеть что-то более скромное. Под стать всему городу. А тут какой-то брошенный железнодорожный вокзал, забытый всеми «объект культурного наследия» — и вдруг поспешная реконструкция, материалы, технологии, в точности воссозданный по чертежам облик фасада. Не зря горожане с самого начала присматривались к проекту с интересом — вышло пафосно и стильно. Особенный звук, особенный свет, стимпанк, модные диджеи, лес и река в качестве бесплатного приложения.

Общественный транспорт — в качестве мечты.

— Да он просто забыл про нас и уехал, — все-таки проворчала Ника, одновременно нащупывая в кармане мобильный телефон. Откинула со лба челку, поводила негнущимися пальцами по дисплею, прищурилась. — Ты как хочешь, а я звоню в такси.

Не успела. Рядом остановился выдавший лучшие времена серебристый «Логан». Магнитола орала не хуже «особенного звука». К тому же в тесном салоне уже сидело трое ребят. Но Ксюшу все это не смутило, поэтому Ника предпочла не возмущаться.

— Я же говорила! — воскликнула подруга. Подхватила юбку — «никакая не серая, а пепел розы!» — и первой полезла на заднее сиденье. Задача оказалась не из легких. Из-за криолина. Того самого, который обычно принято надевать под, а не сверху, как это сделала она.

Ника бочком втиснулась следом, едва разминувшись с опасной деталью Ксюшиного наряда.

Машина дернулась и бодро рванула по набережной навстречу моргающим желтым светофорам. Вместо того чтобы убавить громкость музыки, парни ее перекрикивали. Ксюша не отставала. Болтала за двоих. Знакомые-то ее, вот и пусть отдувается, решила Ника. Втиснутая в угол, сама она смотрела в окно и помалкивала.

Хорошо еще, что ехать недалеко.

— ...Да точно, она это. Мы ее на открытии видели, вспоминай. На сцене танцевала. А потом появились листовки, что пропал человек. С фоткой этой рыжей.

— Жесть! — выпалила Ксюша и испуганно округлила глаза. — Значит, она сразу на следующий день....

— Ушла из дому и не вернулась, — отчетливо произнес кто-то из парней. В этот момент одна композиция закончилась, а другая еще не зазвучала, и фраза неожиданно повисла в тишине. А Ника вдруг почувствовала себя чертовски неуютно среди этих незнакомых и странно одетых — каждый вырядился в меру своего понимания стиля «стимпанк» — ребят.